Мемориал-кенотаф и часовенный праздник: сельские коммеморативные ритуалы Дня Победы

СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА КОРОЛЁВА[1]

✉ PETEL@YANDEX.RU
ORCID: 0000-0003-4246-907X

[1]Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

ОКСАНА АЛЕКСЕЕВНА КОЛЕГОВА[1]

✉ OKKO.21@YANDEX.RU

ORCID: 0000-0001-6908-0940
[1]Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования статьи:
Королёва, С. Ю., Колегова, О. А. (2019). Мемориал-кенотаф и часовенный праздник: сельские коммеморативные ритуалы Дня Победы. *Фольклор и антропология города*, *II*(1–2), 256–288.

В статье, посвященной современному российскому Дню Победы, рассматривается неофициальная сторона государственного праздника, а именно формы презентации семейной памяти и преимущественно приватные фамильные практики. 9 Мая описывается в двух вернакулярных вариантах, зафиксированных в 2016 году в коми-пермяцких селах Пелым и Архангельское. В каждом случае обнаруживаются свои способы адаптации официального праздника к содержанию этнолокальных традиций. В Пелыме специфика праздника определяется необходимостью разрешить конфликт между требованием традиции поминать погибших родственников-фронтовиков на месте их погребения и объективной невозможностью сделать это. Местом проведения семейных поминок становится пространство сельского мемориала, плиты с именами играют роль могил-кенотафов. В Архангельском на характер празднования Дня Победы влияет совпадение с местным часовенным праздником, имевшим поминальную направленность. Поминовение родственников-фронтовиков выстраивается по модели традиционных календарных поминок, при этом используется современная тематическая атрибутика. В обоих описанных случаях День Победы обеспечивает совместную ритуально-символическую деятельность сельчан, в том числе за счет участия в официальных мероприятиях. Однако содержательный и эмоциональный акцент праздника заметно смещается в зону приватного, а интегративные механизмы в значительной мере работают на объединение семей и сплочение локальных сообществ.

Ключевые слова: 9 Мая, День Победы, коммеморация, георгиевская лента, кладбище, кенотаф, фамильные практики, поминальный обряд

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-412-590002р_а «Похоронно-поминальная обрядность в русской традиции Северного и Южного Прикамья (по данным народной речи и обрядового фольклора)»). Авторы выражают признательность Н. И. Чугайновой (с. Кочёво), Р. С. Никоновой (с. Пелым), Е. И. Кривощёковой, а также семье А. С. и Л. В. Климовых (с. Архангельское) за помощь в организации и проведении полевых исследований. Благодарим А. С. Архипову и Н. А. Власкину за ценные советы, полученные в ходе работы над статьей.

Cenotaph memorial and chapel feast (rural commemorative rituals of Victory Day in Russia)

Svetlana Yu. Korolyova[1]

✉ petel@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4246-907X

[1]Perm State University, Perm, Russia

Oksana A. Kolegova[1]

✉ okko.21@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6908-0940

[1]Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, St. Petersburg, Russia

To cite this article:
Korolyova, S., Kolegova, O. (2019). Cenotaph memorial and chapel feast (rural commemorative rituals of Victory Day in Russia). *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(1–2), 256–288. (In Russian).

The paper dwells upon contemporary Russian Victory Day as one of the integrative symbolic systems that supports unity in a complicated heterogeneous society. The paper is mostly focused on the unofficial part of the national holiday, such as family practices and narratives. The two cases that this paper primarily unfolds upon were recorded in Komi-Permyak region in 2016. The first is Victory Day celebration in the village of Pelym. The second is the celebration of the 9th of May in Arkhangelskoye village. Both versions demonstrate that there are various ways of adapting an official holiday to the content of ethnolocal traditions.

The specificity of the holiday in Pelym relates to the necessity of resolving the conflict between the tradition's demand to commemorate the relatives killed in the war at the places of their burial — and the physical impossibility of doing so. Therefore, the space of a rural war memorial becomes a venue for a family memorial rite, and plates with names written on them play the role of cenotaph graves. The nature of the celebration of Victory Day in Arkhangelskoye is determined by its coincidence with an old local chapel feast, which also had a commemorative focus. The commemoration of veteran relatives is performed according to the model of traditional calendar commemorations while using modern thematic paraphernalia (St. George's ribbon). In both cases, the rural Victory Day provides the integration of the local community: it compensates for the insufficient number of common forms of work and leisure and ensures the joint symbolic activities of the participants.

Keywords: 9th of May, Victory Day, commemoration, St. George's ribbon, cemetery, cenotaph, memorial rite, family practices

The research was conducted with the support of the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-412-590002p_a "Funeral and commemorative rites in Russian tradition of the North and South Kama regions (according to the data of folk speech and ritual folklore)".

The authors express gratitude to N.I. Chugaynova (Kochevo village), R.S. Nikonova (Pelym village), E.I. Krivoschekova, and also to the Klimovy family (A.S. and L.V. Klimovy) of Arkhangelskoe village for their help in arranging and conducting field research. We thank A.S. Arkhipova and N.A. Vlaskina for their invaluable advice given in the course of us working on this paper.

Официальные акции 9 Мая и их исследовательские интерпретации

Современный российский День Победы, знаменующий окончание Второй мировой / Великой Отечественной войны и отмечаемый 9 мая, был установлен в 1945, а нерабочим стал в 1965 году. В последние 10–15 лет наблюдается очередной всплеск популярности этого государственного праздника, одновременно возрастает его официальная идеологическая нагруженность. Трансформация тематической атрибутики, появление новых ритуальных практик Дня Победы, равно как и обострение общественных дискуссий, сопровождающих процесс, — все это уже стало предметом научной рефлексии и вызвало появление обширной исследовательской литературы[1].

Значительное число таких работ выполнено «дистанционно» — с использованием разновременного и разнородного материала, в основном представленного в открытом доступе (масс-медиа, социальных сетях и т. п.), — возможно, поэтому некоторые наблюдения оказываются излишне обобщенными, а интерпретации и выводы слабо поддаются верификации. Существует, однако, ряд исследований, выполненных на основе полевых данных (собранных в том числе путем включенного наблюдения — личного участия в акциях Дня Победы). Один из самых масштабных проектов реализован под руководством историка Михаила Габовича в 2013 году. Участники исследования, проводившегося одновременно в 23 городах на территории 11 государств, поставили задачу понять, какие смыслы вкладывают в торжества и народные гуляния жители разных городов и стран, какие практики и типы эмоциональных реакций порождают эти акции, какие поколенческие конфликты могут выражаться через празднование 9 Мая в конкретных социальных группах. Особое внимание уделено роли памятников, структурирующих пространство Дня Победы и притягивающих часть публичных акций (см. [Габович 2015, Браун 2015] и другие статьи в тематическом выпуске журнала «Неприкосновенный запас»).

В современных исследовательских интерпретациях российского Дня Победы доминирует логика бинарной оппозиции: 9 Мая предстает как «праздник власти, официоза, Кремля», которым противостоят обычные люди с «аутентичной», низовой памятью о войне. Выявлены и такие ритуализованные формы поведения, где видимый конфликт между официальным и приватным отсутствует. Вслед за предшественниками Михаил Габович объясняет механизм снятия противоречий как «повседневную тактику слабых, присваивающих и видоизменяющих предписанные сверху культурные коды», наполняющих их собственным

[1] Так, описана история Дня Победы и динамика его празднования [Андреев, Бордюгов 2005, Калачёва 2003, Кожушко 2017, Ушакин 2014, 11 ноября], охарактеризована специфика военных мемориалов и способы их функционирования в праздничные дни [Конрадова, Рылеева 2005, Юдкина 2015], отмечено изменение статуса 9 Мая в странах постсоветского пространства [Габович 2015, Гатагова 2015, Oken 2007].

смыслом, иногда заметно отстоящим от официального [Габович 2015]. Многочисленные примеры такой «перекодировки» смыслов содержатся и в том полевом материале, который мы представим в этой публикации.

Но прежде — еще несколько важных замечаний. Едва ли не самой популярной категорией, используемой в работах о Великой Отечественной войне (и репрезентирующем ее Дне Победы), является понятие коллективной памяти. Историк Ян Ассман полагает, что временной промежуток, необходимый для трансформации коммуникативной памяти (преимущественно устной и основанной на личном опыте переживания события) в институционализированные, нормативные формы (создаваемые не участниками события, а различными «специалистами»), составляет приблизительно 80 лет. Постепенное формирование коллективной памяти начинается примерно в середине цикла, и одним из механизмов становится учреждение специального обряда/праздника [Ассман 2004: 51, 53–57]. Если перенести сказанное на Великую Отечественную войну, то перед нами событие, живая память о котором все больше заменяется сконструированными знаниями — этим фактором отчасти может объясняться и интенсивная трансформация ритуалов Дня Победы, и возросший спрос на «аутентичные» воспоминания.

В 2005 году, описывая сформировавшуюся у россиян коллективную память о войне, Лев Гудков отметил доминирование «парадно-героической» версии события (где победа «очищает и оправдывает войну»), тогда как пласт переживаний, связанных с военными утратами, увечьями, «подневольной работой, хроническим голодом и нищетой», по мнению социолога, оказался практически вытесненным из публичного пространства:

> ...людей, которые пережили войну, сегодня осталось не более 6–7%, это главным образом пожилые и малообразованные женщины, у которых в массе своей нет ни средств, ни возможностей, а главное — нет мотивов ‹...› к передаче подобного опыта. ‹...› День Победы не стал днем поминовения, печальной памяти о погибших, человеческих страданиях и материальных разрушениях [Гудков 2005][2].

Статья была написана за несколько лет до возникновения акции «Бессмертный полк», впервые проведенной в 2012 году, стремительно набравшей популярность и вышедшей за пределы страны. Как нам кажется, одна из причин востребованности этой акции связана именно с тем, что шествие с портретами умерших родственников — участников и жертв войны в какой-то мере восполняет недостающий «фрагмент» коллективной памяти, репрезентируемой в официальных акциях 9 Мая. Оно актуализирует персонализированные воспоминания о простых солдатах и других «негероических героях», воплощает семейные истории — в том числе трагические, отражающие травматический опыт[3] — и отчасти возвращает современному Дню Победы почти

[2] Одним из каналов, вводящих в публичное пространство персональный опыт выживания в военное время, становятся исследования устной истории (oral history) и появляющиеся по их итогам сборники устных рассказов; список публикаций см. [Матлин 2017: 49–52].

[3] Подробнее о признаках травмы в коллективных воспоминаниях, ритуалах и практиках см. [Ушакин 2009: 7–14].

утраченную поминальную направленность. Важно и то, что эта акция становится одним из способов легитимизировать произошедшее в массовом сознании расширение понятия «участник войны»: иногда на портретах изображаются не только фронтовики, но их вдовы, труженики тыла, дети военного времени, блокадники, военнопленные, пропавшие без вести и представители других социальных групп, чей опыт переживания войны до недавнего времени находился на периферии культурной памяти [Барчунова 2017: 89].

Описывая типы перформативных практик[4] Дня Победы, зафиксированных в 2015–2016 годы, участники исследовательской группы «Мониторинг актуального фольклора» (МАФ) отмечают особый характер «Бессмертного полка»: это едва ли не единственная современная практика, имеющая семейный характер, направленная на репрезентацию фамильной солидарности — и при этом осуществляемая массово и в публичном пространстве [Архипова и др. 2017: 92–94]. Неофициальный или полуофициальный характер акции делает возможным появление вернакулярных (внеинституциональных, фольклоризованных) реализаций. Показательно, что некоторые спонтанные действия участников направлены на то, чтоб визуально воплотить значимые семейные нарративы (портрет родственника — участника войны заменяется родовым древом; к портретам добавляются краткие письменные рассказы о памятных военных эпизодах и т. п.) либо осуществить символический обмен с умершими ветеранами (портреты украшаются георгиевскими лентами; ср. параллельно возникшую традицию повязывать их на воинские мемориалы и надгробия). Анализ ритуальных действий и испытываемых участниками эмоций позволил исследователям увидеть в акции «Бессмертный полк» одну из современных форм «культа предков» [Архипова и др. 2017: 94–99][5].

Таким образом, практики и ритуалы Дня Победы стали предметом устойчивого научного интереса, в последние несколько лет учтено большое количество материала, отражающего различные варианты праздника и отдельных его акций. Тем заметнее становится пробел, возникший как следствие исследовательских предпочтений: официальные гражданские ритуалы изучены значительно лучше непубличных фамильных практик, — при этом наблюдения сделаны в основном на городском материале, тогда как сведения о сельских ритуалах Дня Победы крайне мало введены в научный оборот[6]. Публикуемые нами фрагменты полевых записей — шаг к тому, чтобы заполнить «белое пятно».

[4] *Перформативным* авторы статьи называют «сообщение действием», когда вербальный компонент высказывания минимален или отсутствует. Так, в День Победы люди не просто вспоминают о войне, но «показывают, как они помнят»: повязывают георгиевскую ленту на автомобиль или одежду, переодеваются в военную форму и т. п. [Архипова и др. 2017: 86, 90].

[5] О других интерпретациях «Бессмертного полка» см. [Токарев 2016, Барчунова 2017: 89–91, Gabowitsch 2018].

[6] В числе известных нам исключений отметим статью Н. А. Архипенко о семейной поминальной обрядности 9 Мая, изученной путем включенного наблюдения на кладбище г. Ростов-на-Дону [Архипенко 2015]. Сельские ритуалы Дня Победы описываются в работе Л. Гайны [Гайна 2011].

Фамильные практики Дня Победы в современном коми-пермяцком селе

Семейная память не кажется нам более объективной, чем официальный дискурс о войне[7]. Мы также далеки от того, чтоб проводить между семейным и официальным жесткую границу. В связи с празднованием Дня Победы симптоматичны такие акции, как конкурс воспоминаний и семейных историй на страницах региональных газет [Макарова, Чернова 2017: 557]; показателен и специфический статус российских *ветеранов*, которых Борис Дубин характеризует как официально одобренных «живых свидетелей» прошлого, «представителей государства в рамках семьи» [Дубин 2008]. Существует и встречный импульс. Нарративы о прошлом семьи строятся как история ее взаимоотношений с обществом и властью и призваны служить «укреплению престижа рода» (через знакомство с выдающимися личностями, участие в больших сражениях, совершение героических поступков) [Разумова 2001: 312–314]. Семейная память оказывается «местом встречи» приватно-субъективного и официального дискурсов, — именно в этом качестве она нам и интересна.

Для изучения неофициальных фамильных практик Дня Победы группа пермских ученых, в составе которой были и авторы этой статьи, выехала в Коми-Пермяцкий округ Пермского края. Цель полевого исследования, продолжавшегося с 4 по 9 мая 2016 года, заключалась в том, чтобы в ходе включенного наблюдения зафиксировать современные сельские коммеморативные ритуалы Дня Победы. Для исследования были выбраны село Пелым в северном Кочёвском районе и село Архангельское в южном Юсьвинском районе округа. В обоих населенных пунктах в основном проживают коми-пермяки, большая часть которых — билингвы, свободно говорящие на родном и русском языках. 9 мая исследование велось параллельно на двух территориях[8]. Мы сосредоточились именно на семейных практиках и памяти, официальные акции фиксировались для общего контекста — частично, без специального интервьюирования участников. В этой публикации представлена значительная часть собранного материала (см. *Приложение I* и *II*). Рассматривая ритуалы и атрибуты праздника как элементы символической системы, мы хотим показать работу интегративных механизмов на «микроуровне» — на примере конкретных сельских сообществ и отдельных семей. Полученные сведения позволяют также обнаружить различные способы адаптации официального праздника к конкретным этнолокальным традициям и описать День Победы в двух его вернакулярных вариантах.

[7] О специфике «приватной» памяти см. [Кормина, Штырков 2005], о ее аберрациях на примере немецких семейных нарративов написано в работе [Вельцер 2005].

[8] В состав группы входили Е. М. Четина, С. Ю. Королёва, О. А. Колегова, М. А. Брюханова, в с. Архангельское записи велись совместно с этнографом Т. Г. Голевой. 9 мая Е. М. Четина и О. А. Колегова работали в Пелыме (часть наблюдений отражена в публикации [Четина, Колегова 2017]), остальные участники — в Архангельском.

Илл. 1. Военный мемориал в селе Пелым.
Фотографии С. Королёвой

Случай первый: Пелым

Поселение, первое упоминание о котором датируется 1711 годом, располагается в 16 км от райцентра. В селе проживает около 700 человек, имеется среднеобразовательная школа и детский сад, фельдшерско-акушерский пункт, дом культуры, библиотека. Празднование Дня Победы в его современном виде начало складываться в Пелыме в связи с появлением мемориального комплекса, установленного в 1986 году на средства существовавшего здесь совхоза «Петуховский». Комплекс в центре села представляет собой огороженную площадку со скульптурой солдата на высоком постаменте, большую плиту с изображением боя и ряд лежащих на земле плит с высеченными на них именами (*Илл. 1*). Величина памятника, выполненного в типичной советской стилистике, делает его заметным объектом сельского ландшафта.

На территории военного мемориала локализуются официальные мероприятия, проводимые 9 мая. Однако комплекс функционирует более широко и может посещаться в связи со всеми основными событиями жизненного цикла. В городской и сельской традиции еще в советское время сформировался ритуал возложения молодоженами цветов к военным мемориалам. В Пелыме — вероятно, под влиянием традиционной модели — эта практика приобрела своеобразную форму: жених и невеста не только приносят сюда цветы, но и сажают дерево, по состоянию которого могут потом судить о своем совместном будущем. По предложению сотрудников сельсовета деревья у мемориала начали сажать и супруги, в чьей семье родился ребенок. Некоторые жители приходят к плитам с именами, чтобы помянуть родственников, погибших на войне; обычно это делается в Радоницу и бывший день рождения умершего — *память*.

Интервью с пожилыми жительницами показывают, что для семей, чьи родственники были призваны на войну, большим поминальным днем становится и 9 Мая. Важно отметить, что поминальная семантика и ритуалистика Дня Победы начали формироваться в Советском Союзе уже в первые годы после окончания войны (на удаленных территориях эта составляющая праздника никогда полностью не вытеснялась

Илл. 2. Официальный митинг в честь Дня Победы. 9 мая 2016 года, село Пелым. Фотография О. Колеговой

официальными мероприятиями). Первые мемориалы в честь погибших часто ставились жителями на окраине кладбищ либо на месте бывших церквей, часовен, дореволюционных захоронений [Конрадова, Рылеева 2005: 244, 246, Попова 2011: 204]. Как о сложившейся массовой практике 1960-х годов вспоминают о посещении кладбищ после митингов 9 Мая сельские жители Русского Севера. Показательный случай фигурирует в рассказе из села Ценогора Лешуконского района Архангельской области: в 1960-е годы до появления тут военного мемориала один из официальных местных митингов Дня Победы был организован прямо на кладбище [Гайна 2011: 122].

В коми-пермяцком селе Пелым семейный обряд может проводиться в два этапа: ранним утром участника войны поминают за ритуальной трапезой дома, затем после участия в митинге родные отправляются на его могилу на кладбище. Поминовение 9 Мая проводится так же, как в остальные поминальные дни: читается молитва, на могиле раскладывается еда, умершие и живые приглашаются к ритуальной трапезе. Раньше обряд мог дополняться исполнением причитаний.

Поминкам с посещением могил в культуре коми-пермяков до сих пор придается большое значение[9], однако это возможно только по отношению к тем, кто вернулся с фронта и умер на родине. По-видимому, именно отсутствие могил на местном кладбище привело к возникновению

[9] О традиционной коми-пермяцкой поминальной обрядности и проявлениях культа предков см. в монографическом исследовании [Чугаева 2015].

пелымского варианта Дня Победы. В этот день военный мемориал становится местом массового посещения, так как к нему приурочены акция «Бессмертный полк» и митинг с поздравлениями, выступлениями детских коллективов, возложением венков, минутой молчания (*Илл. 2, 3*). Затем в пространстве мемориала, где в этот день горит Вечный огонь, разворачивается семейное поминовение односельчанина, погибшего на войне и похороненного вдали от дома. Обряд здесь проводит пожилая жительница Пелыма Мария Семёновна (*Илл. 6*). Ей больше 90 лет, и готовить поминки теперь помогает сноха — право на проведение ритуала как бы закреплено за этой семьей. Женщины приносят с собой все необходимое, после завершения официальной части Мария Семёновна расстилает скатерть на плите, где написано имя брата, раскладывает еду, ставит напитки (как это делается и на обычной могиле — *Илл. 4, 5*). К ритуальному столу приглашаются все присутствующие. Местные жители уже знают, что одна из семей будет поминать умершего родственника, и подходят туда, чтобы «заодно» помянуть своих фронтовиков (*Илл. 6*)[10]. После совместной трапезы пожилая женщина причитает, обращаясь к погибшему брату: она просит прощения, что не может прийти на его настоящую могилу и вынуждена поминать там, где он «написан»[11].

Пространство памятника, таким образом, позволяет разрешить конфликт между авторитетным предписанием традиции посещать место погребения усопших в установленные поминальные дни и объективной невозможностью сделать это[12]. Показательны оговорки, возникшие в беседах о мемориале с пожилыми женщинами и фактически приравнивающие плиты к могилам («у нее там брат похоронен в этой плите»; «как могилка у нас там сделана»). В этом контексте значимой становится и компоновка имен: 176 имен погибших сгруппированы по бывшим местам проживания (в Пелыме или окрестных деревнях). Такая композиция типична для обелисков в русских и коми-пермяцких селах, однако в данном случае важно, что она воспроизводит структуру сельского кладбища, где для умерших из каждой деревни выделен свой предпочтительный участок. Имя на мемориальной плите воспринимается как знак публичного признания героической гибели и способ сохранить память о представителе конкретной семьи среди земляков. Но в Пелыме наличие имен интерпретируется еще и как возможность публичного поминовения фронтовиков (показателен пример местной жительницы Раисы Степановны, считающей, что она не имеет достаточного права

[10] Ритуальное использование военных мемориалов зафиксировано и на других территориях. Этномузыкологическая экспедиция 1984 года в село Койда Зимнего берега обнаружила обычай коллективного исполнения поминальных плачей 9 Мая у памятника погибшим односельчанам [Резниченко 2014: 102]. В Удмуртии у бесермян села Юнда Балезинского района уходящий на службу идет к военному обелиску, кланяется и просит у погибших покровительства, после чего его под руки выносят через калитку, чтоб ноги не касались земли [Попова 2011: 205].

[11] Содержание причёта, исполняемого на коми-пермяцком языке, удалось записать в пересказе другой жительницы Пелыма (см. *Приложение 1*).

[12] У некоторых групп удмуртов и других народов Поволжья известен обычай устанавливать «ложные» (пустые) могилы или выделять на кладбище участок, где можно поминать погибших на войне/на чужбине [Попова 2011: 204]. У коми-пермяков, как и у русских Северного Прикамья, подобная практика не распространена.

Илл. 3. Венок из еловых ветвей, возложенный к военному мемориалу. Фотография О. Колеговой

Илл. 4. Начало поминального ритуала. Фотография О. Колеговой

Илл. 5. Ритуальная еда на памятной плите с именами погибших сельчан. Фотография О. Колеговой

Илл. 6. Поминальная трапеза в День Победы. Фотография О. Колеговой

устраивать собственную поминальную трапезу у пелымского мемориала, поскольку ее отец тут «не записан»).

Кратко скажем и о других случаях публичного предъявления семейной памяти в Кочёвском районе. Под влиянием акции «Бессмертный полк» одна из жительниц села Кочёво повесила фотографию покойного отца-фронтовика на дом, где он раньше жил (*Илл. 7, 8*). Появляются «знаки памяти» и по инициативе извне: с помощью учителей кочёвские школьники накануне 9 мая обновили красные звезды на домах, откуда в 1940-е годы кто-то ушел на войну (к звездам теперь добавились георгиевские ленты — *Илл. 9, 10*). Символические метки, принятые еще в советское время, разрешили повесить почти все хозяева — в том числе те, кто купил дом у прежних владельцев и не имеет отношения к их семейной памяти. Актуализация фамильных нарративов, связанных с войной, происходит и в официальных чествованиях ветеранов: поздравительная речь, обращенная к участнику войны и его жене — жителям д. Москвино — на наших глазах спонтанно перешла в обмен семейными историями о

Илл. 7. Дом, где жил участник войны Дмитрий Михайлович Пикулев, село Кочёво. Фотография О. Колеговой

Илл. 8. Фотография Д. М. Пикулева, вывешенная на доме к Дню Победы. Фотография О. Колеговой

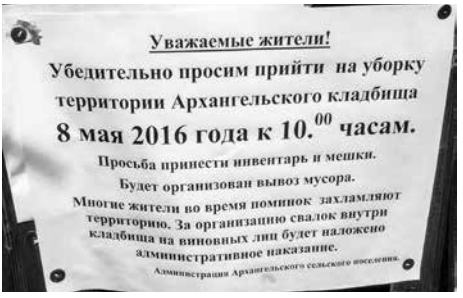

Илл. 9, 10. Звезды с георгиевскими лентами на домах участников войны, село Кочёво. Фотографии С. Королёвой

Илл. 11. Дверцы шкафа в доме участника войны, украшенные к Дню Победы. Фотография С. Королёвой

Илл. 12. Объявление о проведении субботника на кладбище, село Архангельское. Фотография О. Колеговой

судьбе родных-фронтовиков. Подобные «перекодировки» смыслов происходят, кажется, тем легче, чем меньше социальная дистанция между участниками.

Случай второй: Архангельское

Старинное поселение впервые упоминается в писцовой книге 1623–1624 годов под названием деревня Карпова. Современное название дано в конце XVIII века по Михаило-Архангельской часовне; в 1842 году здесь был освящен каменный храм. Архангельское располагается в 10 км от райцентра и 30 км от Кудымкара — столицы округа. Население составляет около 500 человек, в селе имеется школа, детский сад, медпункт, дом культуры, библиотека, Музей истории и быта, работает сельхозкооператив.

Специфика местного празднования Дня Победы определяется его включенностью в традиционный календарный цикл. В досоветское время при сельском кладбище существовала часовня для отпевания усопших, освященная в честь св. Стефана Пермского, день памяти которого выпадает на 9 мая (по новому стилю)[13]. После службы в честь святого прихожане шли к могилам родственников — так задолго до военных событий этот день утвердился в приходе как поминальный. Совпадение 9 мая с государственным праздником Дня Победы легитимизировало эту дату уже в парадигме советской культуры: показательны свидетельства местных жителей, что представители власти, запрещая посещение церкви, не препятствовали проведению кладбищенских поминок.

Роль 9 Мая в локальном варианте народного календаря связана с близостью к другому важному поминальному дню — Радонице[14]. В Северном Прикамье этот праздник открывает цикл поминовений на кладбище, посещение которого в более ранее время затруднено из-за снега и талой воды. В Архангельском функцию Радоницы как первого поминального дня перенимает 9 Мая, приходящееся на более теплое время. В преддверии этого праздника родственники чистят могилы от старой травы и мусора, красят оградки. Не позднее 1990-х годов уборка кладбища стала проводиться в форме субботника (*Илл. 12*).

Как и на других территориях, День Победы в Архангельском — это не один день, а праздничный цикл. Вернакулярный вариант праздника предполагает несколько обязательных мероприятий, последовательность которых варьирует. В 2016 году акции и ритуалы были выстроены следующим образом: 7 мая — митинг, тематический концерт и «Бессмертный полк»; 8 мая — субботник на кладбище; 9 мая — церковная служба, семейные поминовения дома и на кладбище; 10 мая — Радоница (дополнительный день для посещения могил и поминок). В процессе подготовки к Дню Победы в селе происходит интенсификация

[13] Сведения о кладбищенской часовне сообщил учитель истории, краевед, директор Музея истории и быта Е. И. Кривощёкова, помнят это строение и старожилы; по официальным источникам информация не проверялась.

[14] Жители окрестных сел и деревень тоже отмечают *Степан день* как поминальный [Подюков 2015: 235], см. также народные представления о Радонице [Там же: 235–236].

Илл. 13. Акция «Бессмертный полк» в селе Архангельское. Фотография М. Брюхановой

горизонтальных и вертикальных социальных отношений[15]: для поздравлений сюда приезжают представители окружной и районной власти, школьники дарят пожилым георгиевские ленты (*Илл. 14*), домой возвращаются те, кто учится или работает в городах. Современный образ жизни сельчан почти не предполагает коллективного труда и отдыха: местное аграрное предприятие не может обеспечить работой всех желающих, система традиционных коллективных обрядов во многом распалась. В этих условиях подготовка и празднование Дня Победы предоставляет новые возможности для коллективной деятельности — как реальной (уборка кладбища), так и символической (подготовка тематического концерта, участие в шествии «Бессмертного полка» и т. п.).

Отдельного упоминания заслуживает акция «Бессмертный полк», в 2016году ставшая одним из ритуалов, открывавших праздничный цикл (*Илл. 13*). В контексте местного Дня Победы с присущей ему поминальной направленностью шествие «Бессмертного полка» приобрело аналогичную семантику: публичное предъявление фотографий умерших родственников-фронтовиков воспринималось как начало семейных поминальных ритуалов. Отметим, что в сельской культуре использование фотографий вне помещений по-прежнему носит ограниченный характер: для изображений живых людей оно исчерпывается размещением на доске почета, а для умерших — на надгробных памятниках[16].

[15] По мнению социального антрополога Уильяма Уорнера, в этом проявляется интегративная функция подобных праздников [Уорнер 2000: 136, 263–277].

[16] Ср. впечатление советолога Нины Тумаркин от российских кладбищ: «Мне всегда нравилась практика частого посещения могил, распитие напитков и легкая трапеза прямо на местах захоронений. Это выстраивает какие-то совершенно особые, интимные отношения между мертвыми и живыми. Для меня как для американки также весьма удивительно повсеместное присутствие фотографий на надгробиях. У нас такого совсем нет. Это тоже очень сильно визуализирует умерших и включает их в общий культурный ландшафт» [Тумаркин 2016: 21].

Генезис местного варианта Дня Победы, сложившегося на основе часовенного праздника, обусловливает всеобщий характер семейных поминовений, однако особенно важным считается почтить память родственников — участников войны. В Архангельском мы познакомились с семьей Александра Степановича и Людмилы Владимировны, которые 9 мая ежегодно поминают близкого родственника, фронтовика Степана Васильевича Климова. Благодаря гостеприимству хозяев, пригласивших в свой дом, мы приняли участие в семейном обряде и наблюдали его целиком. Структура поминовения оказалась сложной: утром хозяева помянули

Илл. 14. Украшение из георгиевской ленты, сделанное архангельскими школьниками в преддверии Дня Победы. Фотография С. Королёвой

Илл. 15. Надломленный рыбный пирог и другая ритуальная еда, выложенная на кухне перед подачей на стол. Фотография С. Королёвой

Илл. 16. Рюмка и сигарета в память о фронтовике Степане Васильевиче Климове. Фотография С. Королёвой

Илл. 17. Подушечка с наградами С. В. Климова, висящая возле стола. Фотография С. Королёвой

Илл. 18. Поминальный стол на 9 Мая в доме вдовы ветерана. Фотография С. Королёвой

родственника за своей трапезой, затем ритуальное застолье продолжилось в доме вдовы С. В. Климова, после чего супруги отправились на кладбище, где на могиле фронтовика исполнили ритуал в третий раз.

9 мая соблюдаются все запреты и предписания, типичные для других поминальных дней (*Илл. 15*). Домашние поминки начинаются с молитвы, после чего следует ритуальное приглашение умерших на поминальную трапезу. В День Победы хозяйка позвала не только родных, но и души всех причастных к войне («и воины, и знакомые, и родственники, и все»; «все эти фронтовики, которые были на войне»; «родственники, дедушка наш, все погибшие»). В память о Степане Васильевиче на стол, а затем и на могилу была поставлена рюмка водки с сигаретой (*Илл. 16*). Во время трапезы в числе семейных историй трижды воспроизводился ключевой фамильный нарратив с военной тематикой — о том, что умерший был участником Сталинградской битвы и оказался в числе девяти человек, выживших «из всего полка»[17] (*Илл. 17, 18, 19*).

Н. А. Архипенко относит пересказ воспоминаний родственников-ветеранов к типичным ритуальным действиям, совершаемым на 9 Мая, — наряду с благоустройством могил, повязыванием на памятники георгиевских лент, поминовением водкой, оставлением еды возле надгробий [Архипенко 2015: 253–254]. В Коми-Пермяцком округе нами зафиксированы как общеизвестные, так и более специфичные ритуалы.

[17] О военных сюжетах в семейном фольклоре см. [Разумова 2001: 309–315, Разумова 2005].

Одна из особенностей поминок на 9 Мая в Архангельском заключается в порядке посещения могил. Если в Семик и другие дни первым поминают последнего из умерших родственников, то в День Победы обход начинается с участников войны, поскольку это «их праздник» (*Илл. 20, 21, 22*). На одежде многих посетителей мы видели в этот день георгиевскую ленту, повязывают такие ленты и на надгробные памятники (*Илл. 23, 24, 25*), причем не только участникам Великой Отечественной, но и тем, кто побывал в горячих точках и даже просто успел отслужить в армии[18]. Публичная репрезентация символов, обмен ими друг с другом, ритуальное дарение умершим — действия, повышающие интеграцию сообщества и выражающие «единение... всех живущих со всеми умершими» [Уорнер 2000: 271, 310].

Характеризуя тенденции последних десятилетий, социолог Амитай Этциони отмечает, что многие общенациональные праздники утрачивают прежний публично-массовый характер и отмечаются в частных домах, семьями, дружескими компаниями. «Приватизация» празднования не означает, что оно автоматически приобретает дезинтегративный характер, но свидетельствует об усилении солидарности с более партикуляристскими группами (этническими, религиозными и проч.) [Этциони 2015]. В описанных нами этнолокальных вариантах 9 Мая содержательный и эмоциональный акцент праздника также заметно смещается в зону приватного, — но происходит это, по-видимому, по другим причинам. Сохраняя официальную «рамку», День Победы накладывается на традиционные крестьянские модели календарных празднований — большого поминального дня и местного часовенного праздника. Под влиянием этих моделей интегративное воздействие ритуальных действий направляется прежде всего на объединение членов семьи/рода и на сплочение местных сельских сообществ, исторически наследовавших крестьянским общинам и в значительной мере сохраняющим локальную идентичность.

Заключение

Развитие неофициальных практик Дня Победы — процесс во многом спонтанный, происходящий независимо от государственного или церковного установления. В последние десятилетия участники Великой Отечественной войны (и шире: все фронтовое поколение) символически выделяются в особую категорию умерших. Пусть не для всех, но для многих россиян память о них носит характер морального долга и переживается через различные формы ритуально-символической деятельности. В двух описанных нами случаях празднование 9 Мая соответствует общим тенденциям, но имеет и свои особенности.

[18] Так, лентой была отмечена могила молодого человека, погибшего в аварии после возвращения из армии: по-видимому, этот символ начинает использоваться, чтобы поднять авторитет умершего (если смерть была неестественной, «напрасной»).

Илл. 19. Корзинка с едой для поминок на кладбище. Фотография С. Королёвой

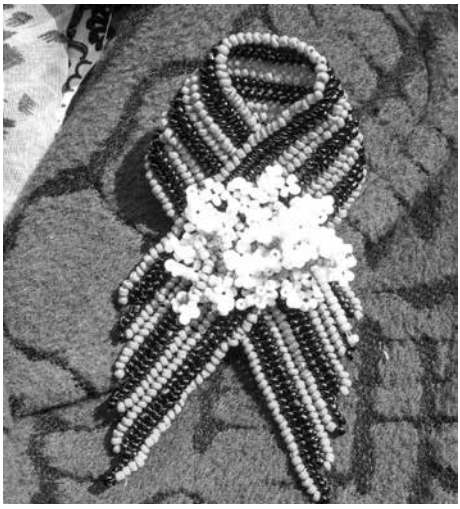
Илл. 21. Родственники поминают фронтовика. Фотография С. Королёвой

Илл. 20. Корзинка с едой для поминок на кладбище. Фотография С. Королёвой

Илл. 22. Поминальная еда на могиле в День Победы. Фотография С. Королёвой

Илл. 23. Брошь из бисера в виде георгиевской ленты. Фотография С. Королёвой

Илл. 24, 25. Георгиевские ленты на надгробных памятниках участников войны, село Архангельское. Фотографии С. Королёвой

В народной культуре логика бинарной оппозиции («или герои, или жертвы») по отношению к фронтовикам практически не работает: участники войны осознаются одновременно как герои, жертвы и умершие родственники («предки») — их нужно и помнить, и поминать. Официальная точка зрения таким образом не отвергается, но инкорпорируется в традицию, содержащую собственные смыслы, в том числе довольно архаичные (к примеру, поминовение как «кормление» душ умерших). Применительно к некоторым явлениям можно говорить об экспансии фамильной памяти, проникающей в официальное пространство: таково публичное проведение семейных поминок на территории военного мемориала, использование плиты в качестве могилы-кенотафа, обмен семейными рассказами в ходе официального поздравления ветеранов и т. д.

Память о мертвых, как известно, нужна прежде всего самим живущим. К подготовке праздника и участию в нем на разных этапах могут быть привлечены практически все группы населения: пожилые — взрослые — подростки — дети; женщины — мужчины; верующие — атеисты; местные жители — приезжие родственники. Современный сельский День Победы компенсирует недостаточное количество общих форм труда и досуга, обеспечивая совместную ритуально-символическую деятельность участников. Характер праздника не только позволяет вспомнить историческое событие, но и актуализирует семейные истории, дает повод для встреч родственников и знакомых, способствует внутренней интеграции локальных сообществ.

Приложение I. Полевые материалы из Кочёвского района

Воинский мемориал в Пелыме[19]

1. Это через совхоз Петуховский был, просто предложили люди, что [за 10 тысяч рублей] они поставят нам памятник. ‹…› Вот открыли мы памятник, спасибо директору совхоза, он пришел к нам и говорит: «Девушки, вот будете [ставить] памятник?» — «Конечно, будем». — «Тогда давайте работать». Через совхоз нам дают деньги — это же хорошо! ‹…› И вот за это время построили, открыли памятник, наверное, 7 ноября было. А у меня сын приехал из армии как раз, ему поручили открыть, и участнику войны, Петру Афанасьевичу, народу было столько, у нас был такой хороший военком. У нас погибли 176 человек, имена там их на плитах [РСН][20].

Функционирование мемориала

2. На 9 мая все приходят. На свадьбы там приходят и садят цветочки, ой, не цветочки, а деревья. Когда я работала в сельсовете, если родится ребенок, мы заставляли сразу же тут посадить дерево. У нас там уже смотрите, сколько посажено, а то место ведь пустое было. ‹…› [Вы прямо заставляли или предлагали?] Предлагали, конечно, кого заставишь, если не хочет. [На свадьбу сами сажают?] На свадьбу сами ходят. ‹…› Вот Женька-то у нас в прошлом году поженились, они посадили дерево. Я спрашиваю: «Вы смотрите?» — «Посмотрели, — говорит, — растет». Ну, и слава Богу, растет дак. [А что-то значит вот это?] Конечно, значит. Жить [вместе] будут.
9 мая вот митинг будет там. Это у нас давно заведено. ‹…› А у кого там [фамилия родственника] есть, там написано, они на поминки идут. Вот на 9 мая, дак одна старушка, у нее там брат похоронен, так она всё время с этими пирогами, с шаньгами, всё приходит. ‹…› Нынче ей уже 95 лет. Пелымская. Она два ордена имеет, она старушка очень интересная, ходит уже плохо, но ходит всё равно. ‹…› Еще же на Радоницу приходят [туда], Радоница же тоже большой праздник [РСН].

Поминки по погибшему брату у мемориала

3. [Нам рассказали про одну жительницу, которая прямо у обелиска поминает своего родственника.] Брата! Знаю я ее, знаю. Ей уже 90 лет. Но она каждый раз… у ней здесь брат-то лежит дак, она всё приходит. [Он не лежит ведь тут? Это только фамилия его.] Не лежит, а это… ну, понимаю-понимаю, фамилия. В списке числится, да. ‹…› Она поминает его сейчас всегда. Каждый год приходит и… А других-то чё-то я не знаю. ‹…› Есть же, наверно, у всех, у многих, конечно [фамилии погибших родственников]. Чё-то не поминает никто, а она всё поминает ходит. ‹…› [Говорят, на 9 мая едут после митинга на кладбище поминать иногда.] Ну, далеко-то не ездят, а поблизости, у кого поблизости есть дак, ездят, ага [АГП][21].

[19] Там, где это не влияет на смысл, повторы и вопросы собирателей для краткости опущены.
[20] РСН — ж., 1939, род. в д. Мурмос Юсьв. Зап. в с. Пелым 05.05.2016 и 09.05.2016.
[21] АГП — ж., 1936, род. в с. Верх-Юсьва Куд. Зап. в с. Пелым 05.09.2016.

Мемориальная плита-кенотаф

4. Вот у нас митинг проходит, каждый год они у нас проходят. Те, кто на обелиске написаны, [их родственники] многие приходят, устраивают поминки. Самое главное — начала Мария Семёновна, у нее там брат похоронен в этой плите. Она всегда приходит, приглашает свою семью, свою родню, всех, которые там приходят. Но многие туда приходят и поминают. Батуев Андрей Семёнович. Он тоже… орден [его] пришел уже после войны, она получила, посмертно, — видно, его уже не было, бабушка-то получила, сестра-то его. Приходит она [к мемориалу], конечно, пистиковые пироги[22] приносит, всё свое, шаньги приносит, иногда чекушку принесет, но на чекушку-то не обращают внимания, больше-то если квас принесет, что-то выпить принесет, напитки какие-нибудь. Она всё время плачет там, стоит и плачет. ‹…›
Но самое главное, она очень жалеет. Я ей говорю: Мария Семёновна, ты почему долго живешь, потому что она всё помнит, всех родственников своих, когда умерли, когда мама умерла, когда папа умер, и всех, всех. И вот, смотрите, 95 лет, а она из ума не вышла. Всё она помнит очень хорошо. ‹…› Скатёрку приносит обязательно. Потом на… как она называется, как могилка у нас там сделана, — вот на эту, там, где у нее брат, туда всё и складывает. [На плиту?] На эту плиту всё и складывает. И стоит просит, чтобы приходили, и председателя сельсовета пригласит, меня каждый раз приглашает. Вот как памятник-то открыли, самая она догадливая стала. Из других деревень не приходят, а она, смотрите, всё вспоминает. Некоторые тоже вспоминают, но не так, когда принародно, а она принародно [РСН].

Обращение к умершему брату

5. Ну, бабушка-то, конечно, ‹…› крестится, как обычно, около могилки, а потом раскладывает свое кушанье, что она принесла, приглашает тех, кто там есть, многие приходят. Говорит. Всё жалеет, что его нету дома, что он умер где-то: «Где могилка-то была, если бы у нас дома ты умер, то, конечно, я бы на могилку пошла, а ты уж меня прости, что ты тут написан», — вот и всё. [Есть ведь какие-то специальные слова, например, вошшӧ[23].] А это *вошшӧ* у нас и есть, она и говорит: *вошшӧ*. ‹…› Может быть, она и всех [умерших родственников] тут перечисляет. Потом помогают ей сноха и дочь. Всё стряпают. Вначале она сидит во время этого празднования как приглашенная — она труженица тыла, а после того как митинг кончается, она подходит к этой могилке. [И она давно начала так делать?] Очень давно. Как памятник открыли, как она узнала, что там написан ее брат, с этого и начала, с 1986-го года. [Администрация всегда нормально к этому относилась?] Никогда никто против не был. Это только приветствовали. Как же, куда она пойдет? [РСН].

Поминки у мемориала в день рождения — *память*

6. Дак поминают тоже на плитах написанных, но мало. ‹…› Да вот так же приходят, некоторые, конечно, бутылку принесут, там постоят. [Это

[22] Пи́стики — молодые побеги хвоща полевого; используются в некоторых блюдах (яичнице, пирогах).

[23] Вошшӧ — коми-перм. ‘угощайтесь’; используется только в ритуальном контексте как приглашение умерших на поминальную трапезу.

9 мая?] Нет-нет, в другие дни, когда день рождения, да что да. *Память* у которых. Многие же не знают, когда у них погибли, я вот, например, у отца не знаю, какого числа она погиб, только знаю, что декабрь 1943-го года. [Получается, что эта плита с фамилиями как могильная плита.] Да-да, как могильная плита. [Они как на кладбище приходят.] Как на кладбище. У нас там по деревням всё сформировано. Специально. У нас в сельсовете работала Лидия Павловна, она так отнеслась добросовестно, у нас ни одного, никто не остался. Сейчас же многие пишут, что где-то написали тех, которые живые, которые не погибли — всё перепутали. У нас ни одной ошибки не было, она с военкоматом связывалась [РСН].

Забытое имя

7. Ой, если бы я знала, что у меня отец-то тут [написан], так я бы тоже [поминала]. У меня знаете, какой случай был, поехали мы, мама еще живая была, когда начали эти памятники строить. В Антипино поставили деревянный памятник, там написали этих людей погибших. Мы вот с Семика идем, бабушку как раз вот вспоминали, — а когда вот подошли к этому памятнику, искала, искала, искала я своего отца — там нету. Знаете, я как заплакала, мама заплакала: «Он, — говорит, где-то тогда скрывался, на войне не был». Я приехала домой, это Юсьва, я сразу же написала в райвоенкомат Юсьвинский, мне написали ответ, что вот он 1910-го года рождения, ушел на фронт тогда-то, погиб в декабре 43-го года на Ленинградском фронте, что он там работал сапером. Ну, я успокоилась, что там всё-таки есть, а это виноваты только работники сельсовета, они там всё организовали, — как они могли не написать моего отца, мне, конечно, очень обидно [РСН].

Поминки по погибшему отцу и сон

8. [У вас, получается, отец Степан Ильич Гордеев погиб на войне. У вас в семье когда принято его поминать?] Ой, бабушка у нас до смерти не поминала, говорила, что всё равно он живой. Только в день рождение, когда он родился, она поминала, а когда погиб, мы не знаем. Она до последней минуты ждала: «Всё равно он у меня живой». ‹…› В первую очередь делаешь рыбный пирог, шаньги, всё кушаешь, что можно. Вот 10 января он родился. ‹…› Бабушка-то всё говорила, что ты живой, но мы тебя не знаем, поэтому тебя поминаем. 9 мая обязательно. Внук у меня уже рыбу на пирог принес. ‹…› Как он уходил на войну, мне было три года, я этот день вот прям вот досконально помню. Провожали мы с бабушкой маму и папу до реки Иньвы. ‹…› [Вы говорите, папу много раз во сне видели?] Вот последний раз я видела, я его в коридоре встретила, я [к нему] прижалась, заплакала и говорю: «Папа, ты где был? Мама всю жизнь тебя ждала, и я ждала, почему ты долго не приезжал? Ты бы приехал, я бы не осталась сиротой. Когда ногу сломала, ты бы на руках увез меня в больницу». Плачу и говорю. Проснулась — и я на самом деле плачу. ‹…› Как раз это январь подходил, у него 10-го [память], дак вот 7-го вроде, я как раз поминала в эти дни [РСН][24].

[24] Напоминание умершего о поминальном дне — популярный сюжет несказочной прозы: «Снилось мне на День Победы в прошлом году. Здесь у нас одна семья за логом живет, четыре брата — трое погибли ‹…›. Мне снилось, будто я в их доме, в доме полно икон, и те трое погибших братьев стоят на коленях и молятся, я встала рядом с ними молиться. Вот так они и заставляют меня помянуть их на День Победы. Они ведь военные» (Куд.) [Чугаева 2015: 236].

Семейные поминки 9 мая

9. Вот Надежда Петровна-то, у них дома участник войны был, он дома умер, так они обязательно после митинга поедут на могилку. ‹…› Тоже идут на могилку на 9 мая. Хоть дома умер, хоть где. Сто человек у нас с войны приехали, и вот в прошлом году последний умер. Все дома умерли, конечно, их поминают, если есть родные. ‹…›
Для того чтобы на поминки идти, обязательно нужно рыбный пирог. Это у нас, у коми-пермяков, такое правило. Так вот, внук-то, Женя, рыбу наловил. Дети уже все приходили, покушали. И обязательно шанежки, вот эти крупяные шаньги. Это специально на поминки готовим. Ну и яичницу, ее мы, конечно, уже съели. Там молоко, пистики и яйцо. Яички там три штуки, молоко литр. Ну и обязательно, чтобы яички были, вот яички сварены тут. В первую очередь, конечно, пробуем мёд [РСН].

Причитание по участнику войны

10. [Не сразу сложилось, что 9 мая стали на кладбище ходить?] Я вот это и не скажу, когда-то, наверное, и не ходили что ли. У нас в нашей деревне умер Боталов Денис, вот он с войны приехал, через месяц он умер, ой, живой приехал, на костылях. Так вот я помню, как мать рыдала: увезут ее на телеге, она валялась прямо, так она рыдала, близко к сердцу, что там тебя не убили, так ты дома умер, — из-за ран он умер. Вот у меня на памяти осталось, как она причитала. Теперь так не плачут. Когда-то так они причитали, чего только ни говорили, — куда он ушел, что он делал хорошее, вот это всё вспоминали. Сейчас так не плачут, стесняются, что ли? [Причитали по-коми-пермяцки?] Да [РСН].

Поминки на кладбище 9 мая

11. Мой отец, 1924-го года рождения, он пришел с войны живым-здоровым. Кстати, вот он рассказывал: бабушка, его мать, дала ему с собой иконку, и хотя он был неверующий, но он говорил, что… у него такая легенда была, что именно эта иконка его спасла. Он приехал с войны, вернулся с войны ни разу не раненный даже. Живой и здоровый[25]. Но, сколько я себя помню, он всю жизнь кашлял, то есть у него был хронический бронхит. Он рассказывал, что за время войны он ни разу не ночевал в избе, — как говорит, всё или в землянках, или в каких-то… вот. И естественно, он эту болезнь заработал, и вот в 1993-м году на 69-м году жизни он умер от заболевания легких, всё-таки война его догнала.
И вот раньше мы все вместе ходили на митинг, который 9 мая проводили у нас возле памятника [в Кочёво]. Но когда он умер, ‹…› стали ходить к нему на кладбище, потому что это его праздник. И так потихонечку у нас сложилась традиция, и сейчас вот папы уже больше 20 лет нет, — и мы каждый год после митинга всегда ходим к нему на кладбище. Поздравляем его с Днем Победы. Сейчас уже и мамы нету. Когда мама была, понятно, что она была инициатором этого мероприятия. ‹…› Всегда перед 9 мая мы ходим прибираться, вот нынче тоже пойдем, краску уже купили, чтоб оградку покрасить. И когда мы приходим 9 мая на кладбище, то мы

[25] Чудесное возвращение с фронта — популярный фольклорный сюжет, см. [Добровольская 2011, Балашова 2015, Касимов, Воронцов 2015].

видим, что мы не одни. Там очень много всегда людей, которые приходят к своим родственникам, погибшим в войну или после войны. То есть это такая… чтобы громко не называть, но народная традиция, стихийно сложившаяся, получилась [ГДО][26].

Фотография участника войны на доме

12. Мы с портретом папы своего уже несколько лет ходили [на акцию «Бессмертный полк»]. У нас в Кочёво очень давно это уже, лет пять идет. А тут я вместе с В. И. как раз оказалась в Перми, и портрет отца я сделала без палочки. Мы повесили просто на дом, в котором жил отец. И написали, что наш отец, Пикулев Дмитрий Михайлович, был участником войны, мы помним, мы гордимся. И я считаю, что это тоже вот такой мой вклад в создание какого-то… места памяти [ГДО].

Поздравление ветерана войны и семейные истории

13. [РС:] [*обращается к ветерану ВОВ:*] Год еще не прошел — снова приехали к вам. Сюда приезжаешь — и становится на душе радостно, светло, потому что… ох. У меня отец тоже участник войны. Был. [КИФ:] Нету?[РС:] Нету уже давно. [КИФ:] У меня тоже погиб. В 42-м году. [РС:] Нет, [мой отец] жил, 20 лет назад умер, уже дома. Совет ветеранов вас поздравляет с этим праздником. ‹…› Желаем вам долго-долго еще жить, чтобы мы действительно… чтобы было кого поздравлять, потому что жалко очень, жалко, что вас становится меньше и меньше. ‹…› [КИФ:] Ой, у бабушки у меня пять сыновей погибли, пятеро. [РС:] Вот так вот. [КИФ:] Три сына здесь, в этой войне, да в первой войне два сына. И дедушка. Ой, много у нас погибли. [РС:] Ну, живите долго! [*Целует ветерана и его жену.*] За всех, за всех живите![27]

Приложение II. Полевые материалы из села Архангельское Юсьвинского района

Кладбищенская часовня св. Стефана Пермского

14. А вот эта часовня, — это говорили уже старые люди, почему 9 мая мы ходим на кладбище, — потому что часовня-то была Сте́фана Великопермского. Которая у кладбища. Это издавна. Это, видимо, с XIX века, это издавна. Тогда, наверно, люди-то ходили не на кладбище, а ходили в часовню, в честь Стефана Великопермского. ‹…› А сейчас мы совмещаем почему? Были годы, когда гонения были на крестьян, но поминать разрешали. В церковь ходить не разрешали, в часовню ходить не разрешали, всё это запрещалось. За это наказывали. А поминать было можно. ‹…› Всё же это место, кладбище, — святое место. И остается пусть святым местом наше кладбище. Поминать разрешали. Ну, День Победы — это и сейчас уже ведь признала православная церковь. Тоже отмечают. За тех, кто был убит на войне [ЕНВ][28].

[26] ГДО — ж., сотрудник администрации Кочёвского р-на. Зап. в с. Кочёво 06.05.2016.

[27] КИФ — ж., 1930, род. в д. Мелюхино Юсьв. РС — ж., представитель кочёвского Совета ветеранов. Зап. в д. Москвино Коч. 06.05.2016.

[28] ЕНВ — ж., 1958, род. в д. Калинино. Зап. в с. Архангельское 08–09.05.2016.

15. 9 мая только у нас поминальный день, Великоперемский Степан. А сейчас уж его не упоминают. ‹…› Это кладбище-то у нас, я не знаю, с которого году, может, несколько ‹нрзб.› лежат. [Древнее кладбище, старое?] Старое. Я родилась, дак росла, уж там было кладбище-то. [А вы сказали, Степана Пермского всегда был поминальный день?] Это был. Здесь токо, говорят это, раньше [ходили] на кладбище. Не на все кладбища ходят на этот праздник. А сейчас поминальный-то день, день воинов. ‹…› Часовня на могильнике была. ‹…› Это домик поставленный, белый дом был. ‹…› Тут еще избушка была, туда покойников, говорят, когда-то возили, ночевали, которые издалека. Не могут хоронить в этот же день, дак [оставляют там]. [Рядом с часовней стояла еще избушка?] Часовня это, избушка-то дальше немножко была, в средине кладбища, — сейчас место-то есть, а избушки нету [АГС][29].

16. Там часовенка была. Ну, говорят, что небольшая. Вот сейчас вот хотят… ветучасток сделали, сейчас передали [его] церкви, ветучасток закрыли. И хотят снова часовенку сделать. [Из этого дома, да?] Из этого дома. Снова [Стефана] Великопермского. Потому что всё равно ‹…› его день-то 9 мая, поэтому здесь вот люди-то всегда ходили на 9 мая [на кладбище]. А уже потом война наложила такой вот отпечаток, и всё равно люди-то ходили. И 9 мая обычно много всегда бывает народу [ЕИК][30].

9 мая и Радоница

17. Это Пасха, у у́мерших это Пасха — Радоница. Это большой праздник. В Радоницу даже, говорят, не мучают в аду, — которые в ад попали, их уже не мучают в Радоницу. ‹…› А вот в Радоницу-то и отпускают на землю. [Вот 9 мая и потом Радоница сразу. Вы оба дня поминать будете?] Дак вот, думаю. Думаю, думаю. Как получилось ‹…› — до Радоницы идет сплошная седмица. А в сплошную седмицу не поминают никого. А 9 мая-то совпало с сплошной седмицей. Это когда-то такое уже было. У меня бабушка ‹…›, она 9 мая пришла на кладбище, тоже была сплошная седмица, а на следующий день была Радоница. Она осталась у меня: «Я, — говорит, — переночую у тебя, а на Радоницу пойду». Она два раза ходила. И 9-го ходила, и вот тогда и на Радоницу она пошла. ‹…› Но в Радоницу-то идут, но не все, потому что день-то рабочий, видите. Дома всё же поминают. А 9 мая у нас все идут, потому что выходной [ЕНВ].

9 мая — поминальный день

18. [ЛВК:] Ходили на кладбище. Всегда вот. Я приехала сюда в 80-м году, дак это всегда ходили. Всегда поминались, и 9 мая всегда поминались. Но я не здешняя, я приезжая. Я тоже из Юсьвинского района, из Мелюхино, но там у нас 9 мая не поминают никого. ‹…› Ну, а здесь вот поминальный день. Мне было немножко удивительно. А так говорят это, раньше всегда поминались. После Великой Отечественной войны, видимо, сразу начали вот фронтовиков [поминать]. ‹…› [АСК:] Да, да, всегда ходили на

[29] АГС — ж., 1926, род. в с. Архангельское. Зап. в с. Архангельское 08.05.2016.

[30] ЕИК — ж., учитель в архангельской школе, краевед, директор Музея истории и быта с. Архангельское. Зап. в с. Архангельское 08.05.2016.

кладбище 9 мая. Ну, в некоторых местах говорят, это, не поминают, а я не знаю, здесь постоянно 9 мая — День Победы. [И вот вы не помните, чтобы запрещали ходить поминать? Комсомольцев за это не ругали?] Нет. Я еще пионером был и октябрёнком был [*смеется*]. [Всё равно ходили или нет?] Ходили, конечно. [ЛВК:] Никто не запрещал. ‹…› [АСК:] У каждого есть в душе вера. Не то, что запрещать или что. Вера в душе есть. ‹…› [ЛВК:] Уважение, дань[31].

19. [ВИК:] Да, поминальный день. Ну не знаю. Вот почему-то, а в других [местах] ведь не ходят. [НАГ:] Больше нигде не ходят на 9 мая. А я вот это всё-таки связываю с тем, что ‹…› во время войны очень погибло много. Вот, и поэтому, чтобы отпраздновать День Победы не только в кругу семьи, но и помянуть тех, кто умер, — поэтому идут на 9 мая на кладбище. Потому что больше нигде [не ходят]. Вот я сама училась далеко отсюда, общалась с ребятами из многих регионов, даже вот из Пермского края, — никто нигде больше не ходит 9 мая на кладбище. ‹…› [А вы ходите, потому что у вас в семье были участники войны?] [ВИК:] Да. Всё равно ходим. Мы 9-го ходим и ходим в Семик. И потом ходим [к умершим], у кого день рождения[32].

Приборка могил перед 9 мая

20. [Всегда прибирали накануне 9 мая?] Ну, не обязательно, 8-го можно было чуть пораньше, просто сейчас вывезти-то мусор надо, чтобы не валялось же, поэтому организовывают [субботник]. А некоторые приходили и вчера, и позавчера. [Это вот издавна идет, что перед днем Стефана Пермского надо прибраться на кладбище?] Да, да, да, именно вот перед Стефаном Пермским, после зимы, может быть ‹…›. [А если ранняя Радуница — на нее идут?] Некоторые ходят. Но я вот не знаю, но обычно всё равно почему-то перед 9 мая [ЕИК].

Субботник на кладбище и приборка чужих могил

21. [ЛВК:] Бывает субботник. По краям всё убирают, вот кучи-то вот эти там. Не только свои. А вот мы сейчас в середине были, там вот могилы у нашего дедушки, там бабушки, родственники, но вокруг кто еще есть там, к которым уже не приходят, — мы их тоже чистим. Не знаю. Может, так принято, наверно, рядышком если есть могилы нечищеные, дак тоже чистим. ‹…› Сегодня субботник, дак должны собраться люди. Туда еще пойдем. ‹…› [А раньше субботники были или просто каждый сам ходил, свою могилку чистил?] [АСК:] Нет, каждый сам. [ЛВК:] Это организовывает администрация поселения. [А когда это превратилось в такой субботник общественный?] [АСК:] Ой, не было такого никогда. [ЛВК:] Давно уже проводят субботники. [АСК:] Субботники проводят только по селу, а не на кладбище же. [ЛВК:] Почему? На кладбище тоже. ‹…› Ну с 90-х [годов], наверно, проводили уже.

23. [Мы пытаемся установить, когда примерно уборка кладбища перед 9 мая стала проводиться в форме субботника.] Я даже не помню. По-моему, всегда

[31] АСК — м., 1961, род. в с. Архангельское. ЛВК — ж., 1959, род. в д. Мелюхино, учитель в архангельской школе. Зап. в с. Архангельское 08–09.05.2016.

[32] ВИК — ж., 1954, род. в с. Архангельское. НАГ — ж., 1982, проживает в Перми. Зап. в с. Архангельское 08.05.2016.

было. ‹…› И раньше субботник, тоже так же собирались. А сейчас просто организованно. Как бы объявление печатаем, вешаем и извещаем население, чтоб приходили. Ну всё равно как бы, видите, мало народу-то. Но в основном-то раньше до субботника приходили, вот что-то здесь делали[33].

Поминки по отцу, пропавшему без вести

24. [Вот у вас папа, Гаврила Кононович, фронтовик, вы его как стали поминать?] Он в 1942 году помер. Как поминали? Как поминать-то? На стол ‹нрзб.› хлебушек да, помянешь, да и всё. [Дома?] Да, дома. [А в какой день?] Какой? Какой падёт. Вот сейчас завтра будет понедельник, а может вторник, а может и в субботу когда-то. [9 мая?] Ну. Там на кладбище ходят, да и дома делашь чё-нибудь. ‹…› [А брат ваш, Николай Гаврилович, тоже ведь фронтовик?] Он фронтовик, он умер дома. Здесь на кладбище [похоронен]. ‹…› Поминать-то, дак он рядом лежит. У меня все родственники там вместе они. Род-то у нас большой был. [А до войны на Стефана Пермского на кладбище не ходили?] Да как не ходили? Ходили, поминали здесь, говорят, это. Великоперемский Степан. ‹…› Вместе всё поминают, дак всё равно крест положишь. [Еще ведь какие-то слова надо сказать.] Помяни, Господи, всех родителей. [Так говорят?] Ну. Знающих — незнающих [*смеется*]. ‹…›
Мама при отце умерла, в 40-м [году]. А папа в 42-м. [А могилка у него где?] А это я не знаю, он без вести пропал. Бомбили, говорят, шибко тогда. Где-то, может, рука валяется, где-то нога. Сосед наш, рядом тут жили в деревне, ‹…› — до боя виделись они, а бой-то кончился, после не виделись. Бомбило шибко. ‹…› [А на кладбище когда ходили поминать, папу всё равно называли?] Дак это как не назовешь? Вместе, наверно, идет же откуда-то это дух-от. [Вместе идут?] Ложишь на могилку матере, скажешь: «Все родители, подходите». Мама у меня там, бабушка сейчас, племянники — ой, полный огород![34] [АГС].

Поминки в семье участника войны

Рассказ о С.В. Климове

25. [ЛВК:] [*печет блины*] У нашего дедушки Степана Васильевича особенный день. Он у нас участник войны. Вот поэтому 9 мая обычно отмечают не только день памяти погибших воинов, но в нашей местности еще и поминают всех усопших. Поэтому я печку сегодня затопила рано, она у меня уже и немножко готова. ‹…›
Он был контужен. Участвовал, да, на Сталинградской битве. Был связистом. ‹…› Он вернулся в 1943-м. [АСК:] Раненый. [ЛВК:] Раненый вернулся. Рассказывал, что из окружения, из целого полка, они вышли всего девять человек. [АСК:] Девять человек. [ЛВК:] На Сталинградской битве. Он прожил, он в 1986 году умер. Но, может быть, и дольше он прожил, но… [АСК:] Попал в аварию. ‹…› И его сбила машина в Краснокамске ‹…› [ЛВК:] И год пролежал, вот бабушка ухаживала за ним, и потом он умер. ‹…› [АСК:] Он сказал токо: «Сашка́ еще принесите, я хочу посмотреть да полюбить еще [внука] Сашка́». И всё. Через два часа умер. ‹…› [ЛВК:] А вот этот отец-то у нас умер в 86 году, значит, 30 лет [назад]. ‹…› Только бабушка не

[33] М., ок. 50 лет, один из организаторов субботника, с. Архангельское.
[34] Огород — здесь: кладбище, кладбищенская ограда.

может уже сейчас, дак я сама стряпаю. Потому что он меня очень уважал.

Приготовление еды и приглашение умерших

26. [ЛВК:] Там это блин напополам делается. [Первый самый?] ‹…› Первый, именно первый. Когда он еще горячий. ‹…› [АСК:] Чтобы пар был. [ЛВК:] А потом можно и так, да, со всеми блюдами еще [обращаться к умершим]. [Вы этот первый блин сами съедаете, или он лежит какое-то время?] Несколько, да, лежит сколько-то. А потом съедаем. [Вы его уже съели, или он где-то здесь на столе?] Съели. Вот эти остальные блины. ‹…›

Вот еще буду делать я пирожки из пистиков, потом яичницу из пистиков сделаю, рыбные пироги и, наверное, не знаю. Всё пока, достаточно. [Вот у вас на столе уже стоит что-то.] Это мёд. Когда начинают поминаться, именно начинают с мёда. Говорят, ну, как священная еда, наверное, то что приносят пчелы этот мёд. ‹…›

А сейчас я блины, наверное, оставлю, потому что у меня там печка-то почти готова, и возьмусь за пирог рыбный. ‹…› Лук для поминального пирога я не кладу, потому что лук, говорят, горчит глаза усопших. Поэтому лук и всё, что горькое, этим не поминают вообще-то. Поэтому я соленой капусты немножко положу. [АСК:] Всё, что горькое, не поминают, кроме водки. [ЛВК:] Накладываю рыбу. Рыба минтай. Рыба не должна быть хищной рыбой. [АСК:] Щука, например. [ЛВК:] Щуку не берут на поминки. ‹…›

Яичница тоже поминальная еда. ‹…› Просто сегодня у меня будет много кое-чего в печке, поэтому я в микроволновке сварю. ‹…› [*Ставит на кухонный стол контейнер с яичницей, открывает крышку, крестится.*] Вот, пусть пар идет. Ась вошшӧны быдӧнныс[35] [‘пусть угощаются, берут все они’], усопшие, все, и воины, и знакомые и родственники, и все. ‹…› [А что души приходят на горячий пар, вы от кого слышали?] Это от своих предков. Они так говорили. Мы так же делаем. ‹…›

Так, теперь откроем один рыбный пирог. Чуть-чуть откроем. Руками всё это делаем. Так… горячий! [А так и надо горячий открывать?] Да, чтоб пар шел. [*Крестится.*] Ась вошшӧны быдӧнныс, все родные, близкие, знакомые, все эти фронтовики, которые были на войне. Вот пусть пока идет вот пар. Сейчас немножко намажу. [*Смазывает маслом оба пирога, потом прикрывает их полотенцем.*] ‹…› Теперь пар уже поднялся. Чуть прикроем. ‹…›

Так, вот такой хлебушко у нас получился. [Его тоже разламывать будете?] Так, надо бы. Немножко, край хотя бы [*надламывает*]. Горячий. Вот, край хотя бы немножко. [*Крестится.*] Ась вошшӧны быдӧнныс. Вроде испекся. ‹…› [*Надламывает пирожок с пистиками, кладет к остальной еде, крестится*]. Ась вошшӧны быдӧнныс, знакомые все, незнакомые, все, кого знаем, — все пусть…

[*Накладывает пряники в миску:*] Дед, который был на войне, он любил пряники. [Вы, когда его поминаете, стараетесь пряники купить?] Да, покупаем пряники. ‹…›

Всё что-то у меня остается сегодня. Мне надо, чтоб ничего не оставалось. Говорят, тогда еще могут быть в семье умершие. ‹…› [АСК:] Значит, говорят, еще кого-то будешь поминать. ‹…› [ЛВК:] И ножом, говорят, ничего не надо резать. Но мы режем, это, ножом. ‹…› И спасибо не говорят. ‹…› [Еще слышали, вилками нельзя поминать.] [АСК:] Да. [А почему?] Почему? Ну

[35] Ась вошшӧны быдӧнныс — коми-перм. ‘пусть угощаются, берут все они’; ритуальное приглашение умерших на поминальную трапезу.

скажу, опять не поймете. ‹…› Вилка — это в глаза втыкаете покойнику… потому что только ложкой сегодня едят.
[Когда семья собирается за столом на поминки — берут одну кружку?] [ЛВК:] И передают обычно вот такую большую кружку. И передают по кругу. С востока на запад. ‹…› Вином-то вообще-то не поминаются, но дедушка-то у нас пил, и он говорил, что меня поминайте же вином-то. Ну, он завещал, он любил выпить. Но он в основном пил красное вино, портвейн да что. Все знакомые, родственники, дедушка наш, все погибшие, ась вошшёны. ‹…›
[9 мая после обеда дождь бывает?] [АСК:] Да. Говорят, что это… у воинов слезы льются. После обеда дождь, всегда бывает дождь.

Семейная история. Трагическая гибель мужчин в роду

27. [ЛВК:] Говорит, она [вдова ветерана] уже сегодня со Степаном выпила. Уже поздравила его. [Это с мужем?] [КИК:] С мужем. ‹…› [ЛВК:] Всех лучше [он был], говорит, — род-то большой, Улит род называли. Вот, Улит род называли, род-то большой очень у бабушки Улиты-то. ‹…› Мой Степан-то, говорит, воевал, а остальные не воевали. Уже молодые были, помоложе. ‹…› [А эти награды всегда висят на стене у стола?] Да, всегда висят тут, не убираем. ‹…› Много вот мужчин, мужчин-то много ушло из рода. ‹…› Четыре [сына], наверно. ‹…› И внуков уже много этих тоже. Трагически. ‹…› Вот не знаю, почему так. И вот и Степан Васильевич тоже дважды в аварию вот попадал. Когда-то в молодости попадал тоже, машина перевернулась. Потом, смотрите, в Краснокамске и… тоже ведь, получается, трагически умер.

Воспоминания за поминальным столом

28. [ЛВК:] Чудил, чудачествовал. Переодевался в разных там женщин да что [*смеются*]. [На какие-то праздники?] [АСК:] Но. Платье наденет… да еще платок. ‹…› [КИК:] В обшом, интересный [*смеются*]. [ЛВК:] Переодевался, говорит, дедушка в разные обличья. Пугал детей, боялись дети его. [Веселый был?] Шутил, шутил. [АСК:] Шутил. Просто платье оденёт, косынку оденёт — и пошел. [ЛВК:] И с гармошкой по селу. [КИК:] Ничё не умел играть… [ЛВК:] Не очень же хорошо играл, но всё равно. [*Смеются*.] Но гармошка была. Я приехала сюда, дак была еще у них гармошка[36].

Использование георгиевских лент

29. [Хотела спросить, когда начали на могилки повязывать вот эти ленточки?] Да последние годы. Наверное, года два только. Вот как массово они стали использоваться в День Победы, вот тогда и начали. [А сюда их кто привозит?] Покупает администрация привозит, дом культуры. [А потом как?] Раздаем. Участникам войны… то есть ветеранам раздаем. Ребята делают [украшения из георгиевской ленты] при доме культуры, при библиотеке сельской. Они их делают, украшают, а потом раздают всем [ЕНВ].

30. [Значит, это Семён Савич, фронтовик?] ‹…› Жил, председателем колхоза тут был. [А он вам кем приходится?] Это у сына жена, получается. А мы уже внучки. [А кто ленточку завязал?] Правнучка уже. [Я вижу, вторая завязана. В прошлом году тоже завязывали?] Каждый год. Вот как начали завязывать, вот это пошла традиция. Я не знаю, ну, года три, наверно, уже как[37].

[36] КИК — ж., род. в д. Шлян-Пальник. Зап. в с. Архангельское 09.05.2016.
[37] Ж., посетительницы кладбища.

9 мая и Семик

31. [ЛВК:] На кладбище мы пойдем сначала к отцу, ну, к фронтовику. В первую очередь мы 9 мая сразу к нему идем. ‹…› На Семик мы начинаем сверху. Там у нас на новом кладбище есть у Саши брат и дядья там. И вот сверху начинаем и идем донизу. [А вы по какому принципу? То, что они недавно были похоронены, поэтому к ним первым идти?] Да. То что недавно, — к ним к первым. А вот 9 мая мы всегда заходим на кладбище к дедушке сначала. А потом только уже идем к остальным. [Это всё равно больше его праздник?] Да, да. [АСК:] День Победы. [ЛВК:] Вот, а на Семике-то мы это не соблюдаем. [АСК:] [*Вздыхает*.] Это День Победы, его праздник. [ЛВК:] Ешьте еще, кушайте.

Поминки С. В. Климова на кладбище

32. [*Л.В.К. подходит к могиле фронтовика, крестится, кланяется, встает лицом к памятнику*:] …пришли тебя помянуть. Я, твой сын Саша, гости еще есть сегодня. [*Показывает на соседнюю могилу*.] Это Улит баба тут у нас. [*Обходит могилу по кругу, крестится, кланяется, встает перед ее памятником*.] Вот, это мама у Степана Васильевича. Вот это Сидор ‹…›, вот они тут лежат с женой. Тоже поклонимся им. Здесь они лежат, родственники. [*Крестится перед памятником, кланяется*.] Никто не приходит уже на их могилку. Мы чистим их могилки вот тут рядышком. ‹…›

[*Расстилает на могиле скатерть, раскладывает на нее еду*.] Говорят, вот на такие тарелки не нужно, потому что чтоб всё это было ближе к душе усопшего. Поэтому всё надо на скатерть положить. [Не на тарелочки?] Да. Чтоб всё было ближе к усопшему. [*А.С.К. наливает в рюмку водку*:] Ну, пап, давай, за Сталинград! Выпьем помаленьку [*пьет*]. [ЛВК:] Сначала ему ведь нужно поставить. [*А.С.К. наливает рюмку, ставит к памятнику*.] Потом ведь надо помянуть-то. Сначала пусть чуть-чуть полежит. [АСК:] Покурим, отец [*кладет сигарету на рюмку*]. [ЛВК:] В прошлом году было 70-летие. В этом году просто День Победы, но тоже праздник. ‹…› Пусть и там ему будет хорошо и всем другим погибшим. Царство ему небесное, всё чтоб было. [А он курил?] Да. [Поэтому кладете?] [АСК:] Махорку, даже не было когда… Мы, внуки да сын, тоже не сдадим. [ЛВК:] Будем защищать. [АСК:] Да, за Россию. Тогда СССР еще, сейчас Россия. ЛВК: [*Пробует ложкой мёд*.] Тоже поминайте. [*Берет блин*.] Вошшö. Улита Сидоровна пусть, мальчики пусть, вместе все. [*Ест*.] Поминайте тоже. ‹…›

[*Обходит могилу вокруг:*] Всем, папе, бабушке Улите, всем. Мальчикам, Сидору, всем скажем до свиданья. Царствие небесное вам. Будем собирать [*собирает еду*]. Ну, идём дальше. Добрым словом помянем. Пусть всё будет хорошо у него там.

Сокращения

Коч. — Кочёвский район; Куд. — Кудымкарский район; Юсьв. — Юсьвинский район.

Литература

Андреев, Д., Бордюгов, Г. (2005). Пространство памяти: Великая Победа и власть. В Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов (Ред.). *60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти*, 113–144. М.: Фонд Ф. Науманна, АИРО-XXI.

Архипенко, Н. А. (2015). Городское кладбище как ритуальное пространство празднования Дня Победы. *Русская старина, 16*(4), 251–257.

Архипова, А., Доронин, Д., Кирзюк, А., Радченко, Д., Соколова, А., Титков, А., Югай, Е. (2017). Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы. *Антропологический форум*, *2017*(33), 84–122.

Ассман, Я. (2004). *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М. М. Сокольская (Пер.). М.: Языки славянской культуры.

Балашова, А. Ф. (2015). Представление о чуде в нарративах о Великой Отечественной войне. В Н. Е. Ананьева, Н. Н. Старикова (Ред.). *Вторая мировая война в славянских литературах и языках: Тезисы докладов Междунар. науч. конф*., 9–10. М.: Институт славяноведения РАН.

Барчунова, Т. В. (2017). Праздник как событие и ритуал. *Сибирский философский журнал, 1*(15), 84–101.

Браун, Д. (2015). Перформативная память: празднование Дня Победы в Севастополе. *Неприкосновенный запас, 101*(3). Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/101_nz_3_2015/article/11515/

Вельцер, Х. (2005). История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы. В М. Габович (Ред. и сост.). *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*, 51–63. М.: НЛО.

Габович, М. (2015). Памятник и праздник: этнография Дня Победы. *Неприкосновенный запас, 3*(101). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/9g.html

Гайна, Л. (2011). Праздник Дня Победы в современной русской деревне (из полевых наблюдений). *Временник Зубовского института, 2011*(6): Грозное время. Война в зеркале человеческого восприятия, 119–123.

Гатагова, Л. (2015). День Победы на постсоветском пространстве: символика смыслов и стилистика воплощений. В Г. Бордюгов (Ред.). *Победа-70: реконструкция юбилея*, 106–142. М.: АИРО-XXI.

Гудков, Л. (2005). «Память» о войне и массовая идентичность россиян. В Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов. *60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти: Матлы к Международному форуму*, 93–112. М.: Фонд Ф. Науманна, АИРО-XXI.

Добровольская, В. Е. «Почему он с войны возвернулся…» Запреты и предписания, обеспечивающие человеку возвращение с войны. *Временник Зубовского института, 2011*(6), 106–117.

Дубин, Б. (2008). Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий. *Отечественные записки, 4*(43). Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2008/4/pamyat-voyna-pamyat-o-voyne-konstruirovanie-proshlogo-v-socialnoy-praktike-poslednih-desyatiletiy

Калачёва, О. (2003). Празднование как индикатор социальных изменений: старые и новые праздники постсоветской России. *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2003*(1), 26–29.

Касимов, Р. Н., Воронцов, В. С. (2015). К вопросу бытования некоторых современных фольклорных сюжетов, связанных с Великой Отечественной войной. *Вестник экономики, права и социологии, 2015*(4), 297–299.

Кожушко, Ю. Н. (2017). Трансформация ритуальных практик празднования Дня Победы в современной России. *NovaInfo.Ru, 4*(58), 176–183.

Конрадова, Н., Рылева, А. (2005). Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной. В М. Габович (Ред. и сост.). *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*, 241–261. М.: НЛО.

Кормина, Ж., Штырков, С. (2005). Никто не забыт, ничто не забыто. История оккупации в устных свидетельствах. В М. Габович (Ред. и сост.). *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*, 222–240. М.: НЛО.

Макарова, Н. Н., Чернова, Н. В. (2017). Локальное измерение памяти о Великой Отечественной войне (по материалам газеты «Магнитогорский рабочий»). *Вестник Удмуртского университета. История и филология, 4*(27), 553–560.

Матлин, М. Г. (2017). Система мотивов в устных рассказах сельского населения Ульяновского Поволжья о голоде 1941–1945 годов. *Научный диалог. 2017*(9), 42–54.

Подюков, И. А. (Ред.). (2015). *Юсьва — лебединая река: Сб. трудов и мат-лов по традиционной обрядности Юсьвинского района*. Усолье: [б/и].

Попова, Е. В. (2011). *Культовые памятники и сакральные объекты бесермян*. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы РАН.

Разумова, И. А. (2001). *Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История*. М.: Индрик.

Разумова, И. А. (2005). Семейные военные рассказы. В О. Е. Лебедева, М. В. Строганов (Ред.). *Фольклор Великой Отечественной войны*, 81–89. Тверь: Золотая буква.

Резниченко, Е. Б. (2014). *Свадебная причеть Поморья как система локальных традиций* (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения). Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва.

Токарев, А. С. (2016). «Бессмертный полк» — символический анализ. *Вестник Пермского научного центра, 2016*(5), 77–85.

Тумаркин, Н. (2016). О культе Ленина и советской культуре смерти (С. Мохов, интервьюер). *Археология русской смерти, 2016*(2), 12–21.

Уорнер, У. (2009). *Живые и мертвые.* В. Г. Николаев (Пер.). М., СПб.: Университетская книга.

Ушакин, С. (2009). «Нам этой болью дышать?» О травме, памяти и сообществах. В Е. Ушакин, Е. Трубина (Сост.). *Травма: пункты*, 5–41. М.: НЛО.

Ушакин, С. (2014, 14 ноября). Воспоминания на публике: Об аффективном менеджменте истории. *Гефтер.* Режим доступа: http://gefter.ru/archive/13513

Четина, Е. М., Колегова, О. А. (2017). Военная тема в фольклорно-обрядовой традиции: поминание на 9 мая. В И. И. Русинова (Ред.). *Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: Мат-лы V Всерос. науч. конф.*, 296–301. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та.

Чугаева, С. В. (2015). *Человек и Смерть (на материале погребальных и поминальных обрядов коми-пермяков)*. М.: Триумф.

Этциони, А. (2015). Праздники: забытая колыбель добродетели. А. Лазарев (Пер.). *Неприкосновенный запас, 100*(2). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2015/2/3e.html

Юдкина, А. (2015). Могила Неизвестного солдата в советском мемориальном ландшафте. В Д. В. Громов (Ред.), А. Д. Соколова, А. Б. Юдкина (Сост.). *Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре*, 256–279. М.: ИЭА РАН.

Gabowitsch, M. (2018). Are Copycats Subversive? Strategy-31, the Russian Runs, the Immortal Regiment, and the Transformative Potential of Non-Hierarchical Movements. *Problems of Post-Communism, 5*(65), 297–314.

Oken, E.-C. (2007). The Baltic States and Moscow's 9 May Commemoration: Analysing Memory Politics in Europe. *Europe-Asia studies, 1*(59), 23–46.

References

Andreev, D., Bordiugov, G. (2005). The space of memory: the Great Victory and power. In F. Bomsdorf, G. Bordiugov (Eds.). *The 60th anniversary of the end of WWII and the Great Patriotic War: the victors and the vanquished in the context of politics, mythology and memory: Materials for International Forum*, 113–144. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Arkhipenko, N. A. (2015). City Cemetery as a Ritual Space for Victory Day Celebrations. *Russian antiquity*, *16*(4), 251–257. (In Russian).

Arkhipova, A., Doronin, D., Kirziuk, A., Radchenko, D., Sokolova, A., Titkov, A., Iugai, E. (2017). War as festival, festival as war: performative commemoration of Victory Day. *Forum for Anthropology and Culture, 2017*(33), 84–122. Retrieved from http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2017_33/arkhipova_et_al/. (In Russian).

Assman, Ia. (2004). *Cultural Memory: Writing, Recollection and. Political Identity in Early Advanced Civilizations*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).

Balashova, A. F. (2015). The concept of miracle in narratives about the Great Patriotic War. In N. E. Anan'eva, N. N. Starikova (Eds.). *The Second World War in Slavic literatures and languages: Theses of International Scientists conference*, 9–10. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN. (In Russian).

Barchunova, T. V. (2017). Festival as an event and as a ritual. *The Siberian Journal of Philosophy*, *15*(1), 84–101. (In Russian).

Braun, D. (2015). Performative Memory: Celebrating the Victory Day in Sevastopol. *Neprikosnovennyy zapas 101*(3). Retrieved from https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/101_nz_3_2015/article/11515/. (In Russian).

Chetina, E. M., Kolegova, O. A. (2017). The topic of war in folklore tradition: the 9th of May commemoration. In I. I. Rusinova (Ed.). *Philology in 21 century: methods, problems, ideas*, 296–301. Perm: Izdatelstvo Permskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).

Chugaeva, S. V. (2015). *The Man and Death (based on funeral and commemorative rites of the Komi-Permyaks).* Moscow: Triumf. (In Russian).

Dobrovol'skaia, V. E. (2011). "Why he came back from the war…". Traditional prohibitions and prescripts to ensure a safe return from war. *Journal of Zubov Institute*, *2011*(6), 106–117. (In Russian).

Dubin, B. (2008). Memory, war and memory about the war. Construction of past in social practices of the last decades. *Otechestnenye zapiski* [Native notes], *4*(43). Retrieved from http://www.strana-oz.ru/2008/4/pamyat-voyna-pamyat-o-voyne-konstruirovanie-proshlogo-v-socialnoy-praktike-poslednih-desyatiletiy. (In Russian).

Etzioni, A. (2015). Holidays: the forgotten cradle of virtue. *Neprikosnovennyy zapas*, *100*(2). Retrieved from http://magazines.russ.ru/nz/2015/2/3e.html. (In Russian).

Gabowitsch, M. (2015). Monument and celebration: ethnography of Victory Day. *Neprikosnovennyy zapas*, *3*(101). Retrieved from http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/9g.html. (In Russian).

Gabowitsch, M. (2018). Are Copycats Subversive? Strategy-31, the Russian Runs, the Immortal Regiment, and Transformative Potential of Non-Hierarchical Movements. *Problems of Post-Communism*, 65(5), 297–314.

Gaina, L. (2011). Victory Day celebration in contemporary Russian village (from the field research). *Journal of Zubov's Institute*, *2011*(6), 119–123. (In Russian).

Gatagova, L. (2015). Victory Day in post-Soviet area: symbolism of meanings and stylistics of materialization. In G. Bordiugov (Ed.). *Victory-70: anniversary's reconstruction*, 106–142. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Gudkov, L. (2005). "Memory" of war and mass identity of Russians. In F. Bomsdorf, G. Bordiugov (Eds.). *The 60th anniversary of the end of WWII and the Great Patriotic War: the victors and the vanquished in the context of politics, mythology and memory: Materials for International Forum*, 93–112. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Kalacheva, O. (2003). Celebration as an indicator of social changes: old and new holidays in post-Soviet Russia. *Telescope: observation of everyday life of the people of Saint-Petersburg*, *2003*(1), 26–29. (In Russian).

Kasimov, R. N., Vorontsov, V. S. (2015). On the functioning of some contemporary folklore plots relating to the Great Patriotic War. *Journal of economics, law and sociology*, *2015*(4), 297–299. (In Russian).

Konradova, N., Ryleva, A. (2005). Heroes and victims. Memorials of the Great Patriotic war. In M. Gabowitsch (Ed.). *Memory of the war 60 years after: Russia, Germany, Europe*, 241–261. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Kormina, Zh., Shtyrkov, S. (2005). Nobody is forgotten, nothing is forgotten. History of occupation in verbal testaments. In M. Gabovich (Ed.). *Memory of the war 60 years after: Russia, Germany, Europe*, 222–240. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Kozhushko, Iu. N. (2017). Transformation of ritual practices of Victory Day celebration in contemporary Russia. *NovaInfo.Ru*, *4*(58). 176–183. (In Russian).

Makarova, N. N., Chernova, N. V. (2017). The local dimension of memory of the Great Patriotic War (based on the newspaper "Magnitogorsk worker"). *Journal of Udmurt University. History and Philology*, *27*(4), 553–560. (In Russian).

Matlin, M. G. (2017). Motif system in oral narratives of rural dwellers about starvation in Ulyanovsk Volga region in 1941–1945. Scientific dialogue, *2017*(9), 42–54. (In Russian).

Oken, E.-C. (2007). The Baltic States and Moscow's 9 May Commemoration: Analysing Memory Politics in Europe. *Europe-Asia studies*, *59*(1), 23–46.

Oushakine, S. (2009). "Must we breathe this pain?" On trauma, memory and communities. In Ushakin S., Trubina E. (Eds.). *Trauma: aspects*, 5–41. Moscow: Novoie literaturnoie obozrenie. (In Russian).

Oushakine, S. (2014, November 11). Memories in public: On affective management of history. *Gefter*. Retrieved from http://gefter.ru/archive/13513. (In Russian).

Podiukov, I. A. (Ed.). (2015). *Usva the swan river: A collection of books and materials on traditional rituals of Usva region*, Usolye. (In Russian).

Popova, E. V. (2011). *Besermyans' religious monuments and sacred objects*. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury RAN (In Russian).

Razumova, I. A. (2001). *The secret knowledge of contemporary Russian family. Life. Folklore. History*. Moscow: Indrik. (In Russian).

Razumova, I. A. (2005). Family war stories. In O. E. Lebedeva, M. V. Stroganov (Eds.). *Folklore of the Great Patriotic War*, 81–89. Tver: Zolotaia bukva. (In Russian).

Reznichenko, E. B. (2014). *Pomorye's wedding lamentation as a system of local traditions*. PhD dissertation. Moscow. (In Russian).

Tokarev, A. S. (2016). The "Immortal Regiment" — a symbolic analysis. *The bulletin of Perm scientific center*, *2016*(5), 77–85. (In Russian).

Tumarkin, N. (2016). About the cult of Lenin and Soviet death culture. *Archeology of Russian death*, *2016*(2), 12–21. (In Russian).

Uorner, U. (2000). *The living and the dead*. Moscow, Saint-Petersburg: Universitetskaia kniga. (In Russian).

Vel'tser, Kh. (2005). History, memory and modernity of the past. Memory as arena of political struggle. In M. Gabovich (Ed.). *Memory about the war after 60 years: Russia, Germany, Europe*, 51–63. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Yudkina, A. (2015). The tomb of the Unknown Soldier in the Soviet memorial landscape. In D. V. Gromov (Ed.). *Memento Mori: Burial traditions in contemporary culture*, 256–279. Moscow: Izdanie instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk (In Russian).